

В. В. Вильямс
Ведомо Восток

Павел Косенко
СКРЕЩЕНИЕ
СУДЕБ

Вильямс

Историческая хроника
и биографические повести

Скращение судеб
Фракир и цирк
Ремесло Человека

И
Алма-Ата
"Жазушы"
1985

«Эпоха», В. С. Нецаева считает, что эта тема в журнале «планировалась самим Достоевским и была как-то связана с его идеей о значении для государства азиатских территорий, идей, может быть, зародившейся еще во время жизни в Семипалатинске и Кузнецке и нашедшей яркое выражение в последнем выпуске «Дневника писателя» (1881): «Азия — да ведь это и впрямь, может быть, наш исход в нашем будущем... И если б совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — какой корень был тогда оздоровлен!» Одну из статей на эту тему В. С. Нецаева находит «данью Ф. М. Достоевского памяти его друга Ч. Валиханова». Написано, так сказать, не совсем точно — во время издания «Эпохи» Чокан был еще жив и в посмертной дани не нуждался, — однако Федор Михайлович, вполне возможно, вспоминал о своем друге, публикуя эту статью генерал-лейтенанта М. В. Иванова — «Внутренняя или Букеевская киргизская орда». Статья эта хорошо известна казахским историкам. Написанная человеком, который четыре года пробыл в должности управляющего «Внутренней ордой», она содержит много ценных историко-географических сведений.

В освещении этой «азиатской» темы «Эпоха» неизменно стояла на передовых, гуманистических позициях, считала установление дружбы между русским народом и населением соединившихся с Россией земель делом необходимым и первостепенным. Характерна в этом отношении статья Н. Воронова «Одна из настоятельных потребностей для многочисленного изучения России», где, в частности, говорится: «Успехи дальнейшей нашей колонизации... несомненно, требуют от нас наибольшего знакомства с местом предстоящих нам успехов или неудач на этом поле; так или иначе, но мы пришли в соприкосновение с инородцами и они делаются нашими братьями по обществу, нашими согражданами по государству. И вот на нас падает обязанность разгадать вполне весь общественный склад инородческого племени, т. е. изучить весь организм во всех его проявлениях и в причинах этих проявлений, отличить части его, полные жизни, от частей, отживших свое и поддерживаемых лишь обстоятельствами, посторонними самому организму... Только изучивши до подробности нравы и обычаи этого инородческого племени, мы вправе надеяться на прочность его слияния с нами, на помощь от его свежих непочатых еще политической жизнью сил, а также на то, что и оно в свою очередь не встретит в нас тех ярых цивилизаторов, которым нипочем никакая ломка в общественном складе быта, выработанного веками...»

Если взять в целом период 1860—65 гг. в жизни Достоевского, то легко представить первую половину этого отрезка его биографии как подъем, а вторую как довольно крутой спад.

В первой половине — стремительное возвращение былой и, казалось, уже прочно забытой славы одного из лучших писателей России, большой успех «Униженных и оскорбленных» и огромный — «Записок из Мертвого дома», давно и страстно желанное основание своего журнала, широкая популярность среди передовых слоев общества, особенно молодежи, сравнительное материальное благополучие, наконец, зарождение глубокого и много давшего писателю чувства к Аполлинарии Сусловой.

Во второй — запрещение «Времени» и гибель «Эпохи», смерть жены и брата, новые произведения и журнальные выступления не увеличивают, а наоборот, подрывают популярность Достоевского в глазах передовых кругов, отношения с Сусловой запутываются и приносят одну горечь, долги давят, как кошмар, Федор Михайлович признается: чтобы избавиться от них, он готов вновь идти на каторгу.

Мария Дмитриевна умирала долго и мучительно. Болезнь не позволяла ей жить в Петербурге. Ее последние месяцы Достоевский провел вместе с ней в Москве, сам будучи очень больным. Майков писал жене из Москвы в январе 1864 г.: «Марья Дмитриевна ужасно как еще сделалась с виду-то хуже: желта, кости да кожа, просто смерть на лице. Очень мне обрадовалась, о тебе расспрашивала, но кашель обуздывал ее болтливость. Федор Михайлович все ее тешит разными вздориками, портмонейчиками, шкатулочками и т. п., и она, по-видимому, ими очень довольна. Картину вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей».

(За месяц до того Страхов сообщил брату: «Ф. Достоевский очень жаловался, что у него пропадает память и что вообще она разрушается»).

Умерла Мария Дмитриевна 15 апреля 1864 года.

Внезапная смерть Миханла Михайловича не только отняла у Достоевского человека, который при всех своих человеческих слабостях был для него все же самым близким не только кровно, но и душевно и в юности, и в молодости, и в годы издания журналов, вместе с тем она поставила перед ним драматическую альтернативу: продолжать издание «Эпохи», обремененной огромным долгом, или отказаться от журнала — и вместе с тем от уплаты долгов. Нужно учесть, что последнее тоже не сулило Федору